

День выдался солнечным и жарким. Огромное золотое солнце Онус высоко висело на западном небосводе, а маленькое алое Довим стремительно поднималось из-за линии горизонта. На противоположной стороне ослепительно-белые Трей и Патру ярко сияли на фоне нежно-лилового восточного неба. Неровные равнины на самом севере материка Кальгаш были залиты причудливым сиянием. Из широких и светлых окон кабинета Кейларитина, директора психиатрической лечебницы в Джоллере, открывался великолепный панорамный вид на весь этот грандиозный пейзаж.

Шелин из Университета Саро по срочной просьбе Кейларитина прибыл в Джоллер всего несколько часов назад. Сам он не понимал, почему его настроение вдруг упало до такой степени. Обычно жизнерадостный Шелин при виде четырёх солнце обычно чувствовал лишь прилив бодрости, но сегодня, как ни старался скрыть свои чувства, почему-то тревожился. В конце концов, он был здесь приглашённым специалистом-психиатром.

— Желаете сначала поговорить с пострадавшими или лично прочувствовать этот загадочный туннель, доктор Шелин? — спросил Кейларитан.

Директор был невысок ростом, сухощав, с впалой грудью и сутулой спиной. Шелин же, напротив, обладал румянцем во всю щеку и с самого рождения относился с недоверием к любому взрослому человеку, весившему хотя бы наполовину меньше его самого. Наверное, эта болезненно-тощая внешность Кейларитина и нагоняла на него тоску, размышлял Шелин. Директор выглядел точь-в-точь как ходячий скелет. Шелин выдавил из себя смешок, стараясь, впрочем, не слишком шуметь.

— Пожалуй, для начала я побеседую с пострадавшими, — ответил он. — Быть может, это поможет мне лучше подготовиться к встрече с тем ужасом, что творится в туннеле.

В круглых, похожих на бусины чёрных глазах Кейларитина промелькнуло недовольство. И тут в разговор вмешался красноречивый Чубелло, адвокат, обслуживающий столетнюю выставку Джоллера:

— Послушайте, доктор Шелин, к чему эти разговоры об ужасах? Это всего лишь пустяк, разве вы не согласны? К тому же так называемый ужас — не более чем газетная выдумка. Называть пациентов пострадавшими — явное преувеличение.

— Слово «пострадавшие» использовал доктор Кейларитан, — сухо и упрямо произнёс Шелин.

— Мне кажется, доктор Кейларитан вложил в это слово самый обычный смысл, и любые домыслы здесь неуместны.

Бросив на адвоката взгляд, в котором смешались отвращение и профессиональное равнодушие, Шелин сказал:

— Насколько мне известно, несколько человек погибли при попытке пересечь таинственный

туннель. Разве это не так?

— В туннеле действительно были смерти, но это вовсе не значит, что они напрямую связаны с самим переходом, господин доктор.

— Полагаю, вы предпочитаете думать иначе, господин адвокат, — прямолинейно заявил Шелин.

Чубелло гневно покосился на директора больницы:

— Доктор Кейларитан, если расследование пойдёт в таком духе, я буду вынужден немедленно заявить протест! Доктор Шелин, которого вы пригласили, ведет себя как предвзятый эксперт, а не как свидетель в суде!

Шелин тихонько хихикнул:

— Я лишь высказываю своё мнение о юристах в целом, господин адвокат, и пока никак не оцениваю вероятность того, что в таинственном туннеле могло что-то произойти.

— Доктор Кейларитан! — лицо Чубелло побагровело, и он снова подал голос.

— Господа, прошу вас, давайте без споров, — взмолился Кейларитан, переводя взгляд с Чубелло на Шелина. — Мы ведь не враги друг другу, верно? На мой взгляд, цель у нас одна: докопаться до истинных причин происшествий в таинственном туннеле, чтобы — кхм — не допустить повторения подобных несчастий.

— Полностью с этим согласен, — мягко произнёс Шелин.

Бессмысленно тратить время на пикировки с адвокатом, к тому же предстояли дела поважнее. Он дружелюбно улыбнулся Чубелло:

— По правде говоря, меня интересует не поиск виновных, а способ остановить происходящее и облегчить участь тех, на ком лежит ответственность. Доктор Кейларитан, давайте-ка я лучше навещу кого-нибудь из ваших пациентов. После осмотра пообедаем и заодно обсудим увиденное, а во второй половине дня, возможно, заглянем еще к одному-двум больным.

— Обедать? — невнятно переспросил Кейларитан, словно само это понятие было ему чуждо.

— Да, доктор, обедать — принимать пищу посреди дня. У меня есть такая привычка. Ничего страшного, если обед немного затянется, но сначала я должен навестить пациента.

Кейларитан кивнул и обратился к адвокату:

— Думаю, начнем с Халима. Сегодня он в неплохой форме и вполне способен отвечать на вопросы незнакомца.

— А нельзя ли начать с Сифны 89? — поинтересовался Чубелло.

— Можно и с нее, но ее физическое состояние не так стабильно, как у Халима. Пусть наш гость сначала составит общее представление, побеседовав с Халимом, а уже потом — после обеда — переговорит с Сифной или, скажем, с Чиммилите.

— Благодарю вас, — сказал Шелин.

Кейларитан указал пальцем на стеклянную галерею в глубине своего кабинета, откуда был прямой проход в больницу. Узкий коридор открывал круговой обзор на триста шестьдесят градусов: куда ни глянь, отовсюду виднелись небо и серо-зелёные холмы, окружающие Джоллер. Свет четырёх солнц струился отовсюду.

На мгновение директор остановился в галерее. Он посмотрел направо, затем налево, словно стремясь вобрать в себя всю панораму целиком. Внезапно этот сухощавый коротышка, согреваемый мягким теплом Онуса и слепимым сиянием Довима, Патру и Трея, словно помолодел и исполнился сил.

— Господа, только посмотрите, какая величественная красота! — воскликнул Кейларитан с таким пылом, который трудно было ожидать от столь зажатого и подавленного человека, и эта неожиданная живость изрядно удивила Шелина. — Какая это удача — лицезреть все четыре солнца одновременно! Как приятно ощущать их лучи на лице! О, даже не представляю, как бы мы жили без этих прекрасных светил!

— Вы абсолютно правы, — отозвался Шелин.

Впрочем, на душе у него и впрямь стало много легче.

На другой стороне планеты другой коллега Шелина 501 из Университета Саро тоже смотрел в небо. Но она испытывала лишь ужас. Этим человеком была Сифна 89 из археологического департамента. Последние полтора года она вела раскопки на далёком полуострове Сагикан в районе Бекримота. Сейчас она оцепенела от страха посреди места раскопок, беспомощно наблюдая за тем, как на неё надвигается чудовищная катастрофа.

Небо заволокло зловещими тучами. В этой части света в данный момент светили лишь холодным, пронзительным светом Тано и Ситсар. От этого сияния ей становилось тошно и

тревожно. Под этим мрачным небосводом, где осталось всего два солнца, тянулись бесчисленные тени разной степени темноты, наводя на мысль о неминуемой гибели. Довим едва заметно поднимался из-за горизонта, показывая краешек из-за далёких холмов Хокен, но тусклый свет этого маленького красного солнца никого не мог порадовать.

Сифна знала, что золотые, животворящие лучи Онуса вскоре хлынут с востока, возвращая всё к жизни. Но чего же она боялась? Того, чего она страшилась, было куда страшнее временного отсутствия солнца на небе.

К Бекримоту приближалась смертоносная песчаная буря. Пройдёт совсем немного времени, и она пронесется по всему месту раскопок, не оставив от него и следа. Палатки будут уничтожены; тщательно рассортированные по неглубоким лоткам артефакты разнесет по ветру; фотоаппараты, плоттеры, с таким трудом вычерченные карты сложнейших стратиграфических пластов — всё, чего добились долгим и упорным трудом, обратится в прах. И что хуже всего — все люди погибнут.

Древние руины Бекримота — колыбель человеческой цивилизации, старинный и прославленный город Кальгаша — тоже окажутся под угрозой. Разведочные траншеи, выкопанные Сифной в отложениях близлежащей степи, были зияюще открыты всем ветрам. Если налетевший шторм окажется достаточно сильным, он поднимет еще больше пыли и с жестокой силой обрушит ее на хрупкие руины Бекримота — разрушит и погребет под собой сами основания, а то и вовсе сорвет верхний слой почвы, рассеяв его по сухой степи.

Бекримот был сокровищницей истории, он принадлежал всему миру. Пусть раскопки Сифны и носили разрушительный характер, масштаб этих разрушений всё же имел пределы. Любые археологические работы неизбежно несут в себе элемент разрушения — такова уж их природа. Но превратить всю степь в пустыню, подвергнув ее многодневной пылевой буре... Нет, хватит! Если Бекримот пострадает от бури по ее вине, ее имя покроется вечным позором. Быть может, правы суеверные люди, утверждающие, что над этим краем висит неотвратимое проклятие?

Сифна 89 никогда не позволяла себе подобных глупых мыслей. И тем не менее эти раскопки, которые должны были стать вершиной ее карьеры, с самого начала трепали ей нервы, а теперь угрожали уничтожить всю ее профессиональную жизнь — если только буря не покончит с ней самой.

К ней подбежал один из ее помощников, Элис 18. На фоне рослой, атлетически сложенной Сифны он казался совсем крошечным.

— Мы закрепили всё, что можно было закрепить! — выкрикнул он, запыхавшись. — Теперь остаётся только уповать на небеса!

Мрачно глядя на него, Сифна произнесла:

— На небеса? На какие еще небеса? Ты видишь здесь каких-нибудь небес, Элис?

— Я просто...

— Я поняла, забудь.

С другой стороны к ней бросился надсмотрщик Сувик 443. Глаза его были широко раскрыты, а лицо выражало ужас.

— Госпожа, — завопил он. — Госпожа, куда нам спрятаться? Спрятаться негде!

— Сувик, разве я не говорила тебе идти под обрыв?

— Нас засыплет! Мы задохнемся!

— Не бойтесь, обрыв вас защитит, — крикнула Сифна, сама не веря своим словам. — Живо ступайте туда, зовите всех!

— А вы, госпожа? Почему вы не идете?

Она удивленно взглянула на него. С чего это он решил, будто у меня есть какое-то тайное, более надежное укрытие?

— Я тоже иду туда, Сувик, ступай! И не мешай мне!

Бросив взгляд на другую сторону дороги, Сифна заметила коренастую фигуру Балика 338. Он стоял возле шестигранного кирпичного здания, которое ранние исследователи называли храмом Бога Солнца. Щурясь и прикрывая рукой глаза от холодного света Тано и Ситсар, он смотрел на север — оттуда на них надвигалась буря.

Лицо Балика выражало страшную боль. Будучи стратиграфом и их научным руководителем, он в какой-то мере исполнял обязанности метеоролога этой экспедиции. В его задачи входило в том числе фиксировать погодные условия и прогнозировать возможные аномалии. Однако в метеорологических летописях полуострова Сагикан аномалии случались крайне редко. Обычно этот край страдал от невероятной, немыслимой засухи. Осадки, которые можно было хоть как-то измерить, выпадали лишь раз в десять или двадцать лет.

Единственным регулярным климатическим сбоем были изменения воздушных потоков. Воздушные массы сталкивались, порождая циклоны, а следом — песчаные бури. И даже при этом подобные бедствия случались едва ли пару раз за столетие.

Было ли выражение уныния на лице Балика проявлением чувства вины за то, что он не сумел предсказать бурю? Или же он ужасался масштабам грядущей катастрофы, которую сумел просчитать? — размышляла Сифна. Если бы у них было чуть больше времени на подготовку к

этому внезапному удару стихии, всё могло бы сложиться иначе. Только сейчас до нее дошло, сколь явными были предзнаменования — любой наблюдательный человек непременно обратил бы на них внимание. Внезапная духота, резкий скачок температуры, далеко превышавшей привычные нормы полуострова Сагикан; внезапное прекращение ласкового северного ветра и внезапное же появление непривычно влажного южного ветра. А эти птицы — хала и тощие стервятники, обычно кружившие призраками над головой, — стоило подуть южному ветру, как они все разом распустили крылья и умчались к песчаным дюнам западной равнины, словно спасаясь от злого демона.

Какие очевидные признаки! — думала Сифна, вспоминая особенно птиц, которые с криками взмывали ввысь и улетали к барханам. Они же были так поглощены раскопками, целиком сосредоточены на них, что почти ничего не заметили.

Что же теперь делать? Приходится плыть по течению, полагаясь на волю судьбы — оставалось лишь надеяться, что буря изменит направление.

Вскоре далёкое северное небо затянуло бледно-серыми тучами. Обыкновенно чистое, подобно зеркалу, небо над пустыней превратилось в давящий, усеянный темными облаками купол.

Тучи? Разве я вижу тучи? Никаких туч я не вижу. Лучше сделать вид, будто ничего не происходит.

В мгновение ока облака превратились в гигантское черное чудовище, затянувшее полнеба. Южный ветер по-прежнему дул без остановки, не принося ни капли влаги — точь-в-точь раскаленный воздух из доменной печи.

Но вот навстречу ему подул другой ветер, куда более мощный. Две стихии столкнулись, и та, что была сильнее, стала одолевать...

— Сифна! — закричал Балик. — Буря идет, прячьтесь!

— Сейчас, сейчас!

Меньше всего ей хотелось прятаться. Ей хотелось метаться по раскопу, в последний раз осматривая каждый уголок, прижимать к земле края палаток, обнимать руками рулоны драгоценной фотопленки, собственным телом прикрывая мозаичный пол восьмиугольного здания, открытого всего месяц назад.

Но Балик оказался прав. Сифна и так сделала всё возможное за это безумное утро, чтобы защитить место раскопок. Теперь оставалось лишь одно: бежать в укрытие под обрыв и забиться там в угол, уповая на то, что скала послужит естественной преградой и поможет им пережить эту напасть.

Она бросилась к обрыву. Сильные тренированные ноги легко несли ее вперед, громко шлепая по раскаленному песку. Сифне еще не исполнилось сорока, и для высокой, здоровой женщины это была пора расцвета. Она всегда смотрела на жизнь с оптимизмом. Но в одно мгновение всё оказалось под угрозой: ее карьера, крепкое здоровье и даже сама жизнь.

Все толпились у самого основания защитного уступа. В проходе наскоро установили несколько деревянных столбов и натянули брезент, соорудив импровизированный заслон от песка.

— Подвиньтесь, пожалуйста, — протиснулась внутрь Сифна.

— Госпожа, — всхлипывал Сувик. — Госпожа, заставьте ветер повернуть назад!

Он обратился к ней так, будто она была всемогущим божеством. Сифна не удержалась от резкого, нервного смеха. Надсмотрщик Сувик сделал ей жест — показавшийся ей религиозным. Остальные рабочие, все до единого выходцы из близлежащей восточной деревушки, повторили тот же жест, беззвучно шевеля губами.

Молитва? Они молились ей? В этот момент всё происходило как в каком-то бреду. Эти люди, как и их отцы и деды, всю жизнь занимались к археологам, посвящая себя раскопкам Бекримота. Они обладали поистине ангельским терпением, помогая высвобождать из-под земли древние постройки и очищая от песка каждую крошечную вещицу. Наверное, им и раньше доводилось переживать жуткие бури? Всегда ли они так боялись? Или эта буря — самая страшная из всех?

— Началось, идет! — выкрикнул Балик, закрыв лицо обеими руками.

Мощная песчаная буря обрушилась на них. Поначалу Сифна стояла лицом наружу, пытаясь сквозь щели в брезенте разглядеть вдали величественные древние стены. Ей казалось, что стоит ей не сводить глаз с раскопа, и беда обойдет его стороной.

Но долго выдерживать она не смогла. Невероятные волны жара накатывали одна за другой, от них кружилась голова, казалось, вот-вот вспыхнут брови. Пришлось отвернуться и прикрыть лицо рукой.

В тот же миг вихрь песка заслонил собой весь белый свет. Это походило на ливень, только состоявший из мириад мелкий песчинок. Раздался оглушительный грохот. Какой там гром — это миллиарды песчанок молотили по земле! К этому грохоту примешивались и другие звуки: шуршание сыпавшегося песка, скрежет, удары. Слившись воедино, они превратились в единый яростный рев.

Сифна отчетливо представила, как тонны песка водопадом рушатся на городские стены, засыпают храм, погребают под собой обширные фундаменты жилых кварталов, не щадя и их лагерь. Всё окажется погребено под толщей земли.

Она повернулась лицом к стене, ожидая смерти. Волны жгучей скорби подступили к горлу, и она зарыдала в голос, чувствуя себя раздавленной и раскаявшейся. Она не хотела умирать. Кто же захочет умирать? Конечно же, нет.

Лишь теперь она поняла: то, что должно было произойти, намного страшнее смерти. Бекримот, всемирно известный археологический памятник, древнейший город человечества, колыбель цивилизации, будет уничтожен — и исключительно по ее халатности.

За полтора века, прошедших с момента открытия Бекримота, здесь работало несколько поколений выдающихся археологов Кальгаша. Величайшим из них был Гордо 221, за ним следовали Мапин, Стинньюпарт, Шелбик, Ньюморн и целая плеяда других славных имен... И вот теперь Сифна по собственной глупости оставила весь участок открытым в ожидании бури!

С тех пор как пески впервые скрыли руины Бекримота, этот памятник пролежал под землей тысячелетия, сохранившись именно в том виде, в каком его покинули древние жители, вынужденные бежать от внезапной перемены климата. Начиная с Гордо, каждый работавший здесь археолог проявлял сугубую осторожность, обнажая лишь небольшие участки и обязательно возводя защитные баграды и ветрозащитные стены на случай маловероятной, но губительной бури. Этот порядок соблюдался неукоснительно вплоть до сегодняшнего дня.

Разумеется, она тоже установила ограждения по всем правилам — но только не у новых точек раскопок и не у того самого храма, на изучении которого была сосредоточена, то есть не там, где находились самые древние, классические постройки Бекримота. Охваченная жаждой раскопок, одержимая мыслями о новых и новых открытиях, она пренебрегла самыми элементарными мерами предосторожности. Да, элементарными мерами, которые она начисто выбросила из головы.

Тогда это казалось совершенно неважным, но теперь... Слушая демонический рев бури и глядя на пожирающую всё тьму за укрытием, Сифна подумала, что умереть, пожалуй, было бы даже лучше. По крайней мере, ей не придется читать статьи в археологических изданиях следующие пятьдесят лет, где ее обязательно пригвоздят к позорному столбу: «Археологический памятник Бекримот, таящий богатейшие материалы по ранней истории цивилизации Кальгаша, был полностью уничтожен в результате трагического бедствия из-за халатности амбициозной молодой исследовательницы из Университета Саро по имени Сифна...»

— Кажется, стихает, — тихо произмолвил Балик.

— Что стихает? — встрепелась она.

— Буря. Слышите, шум уже не такой громкий.

— Наверное, нас просто засыпало песком, вот мы ничего снаружи и не слышим.

— Нет, Сифна, нас не засыпало.

Балик с усилием дернул натянутый перед ними брезент.

<http://bllate.org/book/21124/2143624>